Вячеслав Сазанович

Поэмы о Сургуте

Издательские решения
По лицензии Ridero
2020

УДК 82-1
ББК 84
С14

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Сазанович Вячеслав
С14 Поэмы о Сургуте / Вячеслав Сазанович. — [б. м.] : Издательские решения, 2020. — 94 с.
ISBN 978-5-4498-4613-6

В книге представлены две поэмы, посвященные истории первых десятилетий существования города Сургута. Первая непосредственно посвящена основанию города в 1594 году, вторая переплетает в себе события, происходившие в Сургуте в 1626—1627 годах с одной из самых примечательных городских легенд.

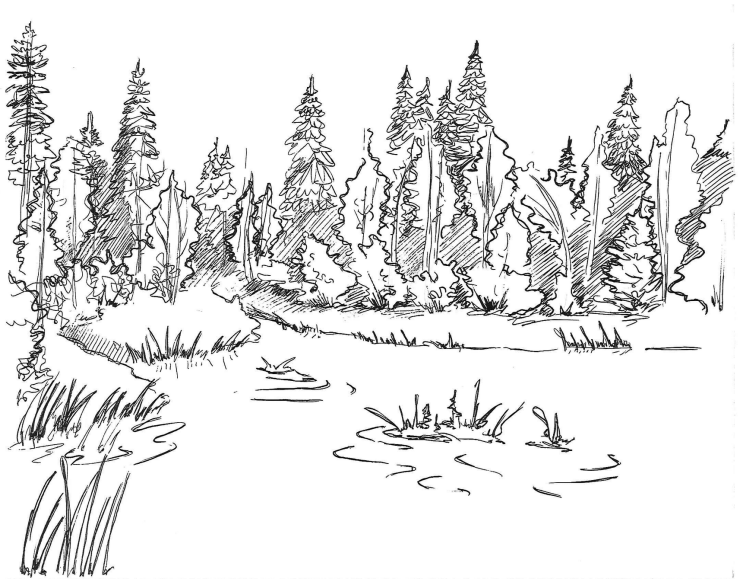
УДК 82-1
ББК 84

12+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-4498-4613-6
© Вячеслав Сазанович, 2020
© Изабелла Сазанович, иллюстрации, 2020

Сказание об основании града Сургута

ВСТУПЛЕНИЕ



Весть рождалась в Сибирском ханстве,
Что погиб атаман Ермак,
Что в тяжелом, доспешном убранстве
Утонул в Иртыше казак[1].
Мало слишком осталось русов
В непокорной для них стране.
И уходят они из улусов
К Златоглавой своей стороне.
Хан Кучу́м, Ермака победитель,
От Югры до бескрайних степей

Вновь Сибири великий властитель
И орды́ его нету сильней.

Но не зная судьбы повороты
Шли на стругах[2] во стан казаков
Из Руси, во главе воеводы,
Три полсотни московских стрельцов[3].
Лишь доплыв до Иске́ра[4] — столицы
Необъятной, суровой земли,
Стало ясно, что больше станицы
Нет казачьей в сибирской дали.
Воевода-отец понимает,
Что Кучума ему не сломить.
И решение он принимает
По Оби из Сибири уплыть.

Осень поздняя тихо ступает,
Лед блестит по утрам на волнах.
Непогода отряд вынуждает
Зимовать на чужих берегах.
Где Иртыш единяется с Обью,
На мысу, что не очень высок,
Воевода решает к зимовью
Ставить малый защитный острог.
И Обски́м[5] его вскоре прозвали,
Возведен был в короткий он срок —
Так в сибирской тайге основали
Самый первый Руси городок.

И вот с этого первого града,
Без особых и лишних прикрас,
Постараюсь легко и наглядно
Про Сургут вам поведать рассказ.

ОБСКО́Й ГОРОДОК

Девять лет зарницы тают
С покоренья той земли,
И к острогу подплывают
Из Тобольска корабли.
Под рассветными лучами
Розовеют паруса,
Скоро к берегу причалит
Всей флотилии краса.

Казаки́ без лишней речи
Подготовились ко встрече,
Помогают кораблям
Подтянуться к берегам.
На́ берег со струг выходят,
В городок Обско́й проходят
Подкрепления бойцы,
Вновь прибывшие стрельцы.
С ними А́ничков Владимир[6],
Из столицы голова.
Князь Баря́тинский[7] ступает —
Всенародная молва
Говорит, что воеводой
Знатным быть ему дано,
Что посылку в Обский город
Ожидал тот князь давно.
С ними был почетный пленник,
Во́нин[8] сын, Уру́нкой звать,
И его в острог с собою
С кораблей пришлось забрать.

А в Обско́м-то городище
Стало даже небо чище!
Рады все желанной встрече!
Всюду слышен гомон, речи!
Аничков Владимир руку
Поднял вверх и вся округа
Прекратила восклицать,
Чтоб словам его внимать:
«Я Черды́нскою[9] дорогой
Из Москвы дошел до вас,
И хочу поведать строгий
Государевый наказ:
Казака́м, литве, черке́сам[10],
Всем, кто в О́бский городок
Из Тобольска был направлен
Годовалый[11] мы́кать срок,
Всем! Готовиться к походу,
Вверх Оби нам путь держать —
Для державного дохода
Земли будем прибирать.
А ещё придет подмога
Из Берёзова[12] градка,
Сил без них у нас немного
Для опасного броска.
По царёву указанью
Воеводой в сей поход
Князь Баря́тинский назначен —
Лучший князь из воевод.
В новых землях новый город
Быстро надо возвести,
Это будет лучший повод
Новый край приобрести».

Речь пока в градке звучала
Шли работы у причала.
Груз казенный выгружали:

Котелки, муку, пищáли[13],
Порох, пушки и свинец,
Бронь из бляшек и колец,
Снеди всякой и вещей,
Чтобы жизнь была милей.

Взгляд направив на причал
Громко Аничков сказал:
«Прочий царский же наказ
Скрою я пока от вас.
А сейчас, давай-ка, дрýги,
Облегчать от груза струги.
Да несите всё в острог
От гвоздей и до сапог».
Годовáльщики тот час
Выполнять пошли приказ,
Засновали на суда,
Кто туда, а кто сюда.

СИБИРЬ

Чем Сибирь людей манила?
Что в себе она таила?
Край суровый, не простой,
Слишком холодно зимой.
Лето долгим не бывает,
Хлеб в тайге не созревает.
Золото, руда, алмазы
Не изведаны пока.
И нигде не ходят ска́зы
Про каменья, жемчуга.

В эти земли ма́нит всех
Лишь одно — Сибирский мех!
Соболя́, песцы, куницы,
Горностаи и лисицы —
Вот оно тайги богатство,
Что являлось частью ханства.
Русский царь теперь здесь правит,
Города по рекам ставит[14]
И с князей племён сибирских
Дань мехами собирает.

Для примера: две сестрицы,
Черно-бурые лисицы,
По своей в Москве цене
Были равные вполне
Соткам двадцати землицы,
Дюжине домашней птицы,
Дому, десяти коровам
И пяти коням здоровым.

Мех тайги дороже злата —
Им тайга весьма богата!

Но не все князья Сибири
Подчинились русской силе.
За восточным за пределом
Той земли, что хан владел,
Над тайгою возвышался
Независимый удел.
Средь людей его прозвали
Гордой Пегою Ордой[15].
И в России понимали —
Может стать Орда бедой.
Во́ня-князь её возглавил,
С грозной силою своей
Не боясь себя поставил
Выше пришлых и друзей.

Хан Кучум ещё не сдался
И на юг, в простор степей,
Собирать войска подался
Не жалея лошадей.
Воня-князь союз решает
С ханом тайно заключить.
И с гонцами посылает
Предложенье — вместе быть.
Княжий сын, Урунка, в плене
У каза́ков третий год.
Собран выкуп для обмена,
Князь обмена скоро ждет.
После этого желает
С ханом вместе русских бить.
Хан согласьем отвечает —
Пришлых надо истребить!

И ещё в тайге немало
Кроме эти двух вождей
На просторах обитало
Независимых князей.

БАРДА́КОВ ГОРОДОК

Боги чем-то разгневи́лись,
Тучи в небе взбеленились.
Третий день то дождь, то град
Мучают остяцкий град.
Ров глубокий, вал широкий,
На валу забор высокий.
Башни высятся у входа
Через узкие ворота.
С башен местность озирают
И погоду проклинают
Два дружинника вальяжных,
Молодых и очень важных.
Узкий вход, глухой забор —
А за ним просторный двор.
Во дворе стоят избушки,
Бревна стен прижав друг к дружке
В два построились ряда
Здесь на долгие года.
Есть и улица прямая,
Площадь видится большая,
Княжий дом стоит на ней,
Прочих выше и стройней.
Все строения без о́кон,
Каждый дом в песок закопан
Основанием своим.
К верху вьётся сизый дым.
Очаги его пускают
Те, что избы согревают.

Князь Барда́к властитель града[16] —
Враг чужим, своим отрада.

Ныне он в своих хоромах
Слышит речи о разгромах
Войск хозяина Пелы́ма,
Самого Аблегери́ма[17].
Говорил вогу́льский старец,
Поднимая кверху палец:
«…В том бою и князь наш сгинул.
За бахвальство скорых дум
От себя его отринул
Бог богов Номи́-Тору́м[18].
Сталь мечей и востры стрелы
Русским были нестрашны.
Их же чудо-самострелы
Вовсе были не смешны.
Гром карал войска вогулов,
Испуская жуткий дым.
Не сдержав смертей посулов
Пал в бою Аблегерим…
И теперь уж год, как скоро
Дань сбирает там казак.
Я же стар уже для сборов,
Чтоб добыть в тайге ясак[19]…
Князь, прошу в свою обитель
Старца бедного впустить.
Я легенд большой сказитель
И могу полезным быть».
Опустив понуро плечи
Завершил он эти речи.
Думу думать стал Бардак
Взгляд бросая на очаг…

…В позапрошлый год, средь лета,
Мимо города его,
В сторону восхода света
Войско двигалось легко.
Ко́дский князь, союзник русов,

Шел на Пегую Орду[20].
Хоть Бардак и не был трусом,
Но почуял он беду,
Ту, что в скорости случиться
Может с землями его,
Если русский царь решится
Вдруг пойти и на него.
В войске том заметно было
Два десятка молодцов —
Так Бардак совсем уныло
В первый раз встречал стрельцов[21].
Шлемы, панцири сияли
На могучих их телах.
Были с ними и пищали.
На Бардáковых глазах
Вверх Оби, в лучах сверкая,
Сила грозная ушла.
И заря людей встречая
Ярким солнышком взошла...

Помолчав ещё мгновенье
Выдал князь своё решенье:
«Что ж, не враг вогул остяку,
Пусть у нас и было всяко.
Тронул душу твой рассказ.
Так и быть, живи средь нас.
Мы тебе подыщем дело —
Выполняй его умело».
Старец низко поклонился
И за двери удалился.

Дождь всё лил. Ударил гром.
Князь окинул взором дом:
Шкур оленьих покрывало
Пол в хоромах согревало.
Посреди очаг пылал,

Тени искрами гонял.
Челядь у́тварью шуршала,
Прибиралась, вышивала —
Повседневную работу,
Не сказать, чтобы в охоту,
В доме тихо выполняла.
На топча́нах вдоль стены,
Княжьи виделись сыны.
Мысли их весьма угрюмы,
Лица строги и мрачны.
Кинемо́й и Суето́ю
Князь Бардак детей назвал.
Богатырской красотою
Каждый лихо обладал.

И спросил у них отец,
Всё обдумав наконец:
«Ну, что скажете мне, дети,
Про события вот эти?»
Суета́ промолвил первый,
Голос был сухой и нервный:
«Надо силою собраться,
С казаком чтоб разобраться.
Надо грады их спалить,
Кровью землю напоить,
Чтобы не было повадно
Казаку в Сибирь ходить!»
Кинема́ продолжил вскоре:
«С братом я своим не в споре.
Лишь скажу — злой дух Кынь-лунг[22]
Из земли на чистый луг
С мошкарой и комарами,
С тошнотворными дарами
Выпустил и племя русов,
Для ужаснейших укусов
Тех народов и людей,

Что живут других честней.
Бить их надо — вот и всё.
Это мнение моё!»

Дети смолкли, князь Бардак
Завершил беседу так:
«Слышал ваши предложенья —
Это, право, без сомненья
Гордость рода возвышает,
Смелость вашу украшает…
Но недавно в нашу волость
Пробралась внезапно новость:
В О́бском граде воевода
Для великого похода
Казако́в вокруг сбирает,
Да к походу снаряжает.
А куда пойдут войска,
Нам не ведомо пока.
Подождать теперь придется,
Что и как там обернётся…
Всё. Закончен разговор!»
Князь прикрыл устало взор…

ОБСКО́Й ГОРОДОК

День настал, пропали зори,
Знать проведали, что горе
Поджидает Обский град.
Будет пламенем объят
Он по царскому веленью,
Государеву хотенью.

Содержал такой указ
Здесь зачитанный наказ:
«…Как появится подмога
Из Березова градка,
Да подтянутся, как смогут,
Князя Ко́дского войска[23],
Так в дорогу собирайтесь,
В край Сургут вам путь держать.
В том краю не расслабляйтесь,
Город нужно основать.
Годовальщики Обские
В граде новом пусть живут.
Воеводы удалые
Тоже будут править тут.
А Обско́й острог, отныне,
Смысла нету нам беречь.
И его, повелеваем,
При отплытье сразу сжечь».

Войско собрано. Ушло.
Град пылал. Огонь мело
Сизой, дымною печалью
На небесное стекло.
Грусть казаков обуяла —

Первый город прожил мало.
Он всего-то девять лет
Волновал сибирский свет.

Средь участников похода
Отыскался для народа
На одном из кораблей
Старожил казак Андрей,
Тот, кто с Ма́нсуровым[24] вместе
Город ставил в этом месте.
Вмиг Андрея окружили,
Чарку горькую вручили,
И с поклоном попросили
Рассказать о русской силе,
Что рождала Обский град
Среди всех на то преград.

Тут Андрей развеселился,
Сказ из уст его полился:
«За седмицу был построен
Средь тайги Обско́й острог.
Невелик, но очень строен
Вышел он в короткий срок.
А потом пришли морозы,
Над Сибирью падал снег.
Не заставили угрозы
Ждать себя здесь целый век.

Князь остя́ков здешних вскоре
Войско крупное собрал.
Вывел утром войско в поле,
На острог его погнал.
Войско к стенам подбежало,
Стрелы в воздух попущало,
Дальше делать что — не знало.
Вот такая им беда

Приключилась. Никогда
Ведь не видели в Приобье
Крепостные города[25].
Пару раз лишь две пищали
Сверху громко пропищали
И остя́ков отогнали
На ночлег.
Но мы не спали…

Утро новое явилось
И такое в нём случилось:
Появился их шаман,
Идол вынес на курган,
В помощь ду́хов призывая
Закружился, словно пьян.
Мы же выкатили пушку,
Идол вывели на мушку,
И пальнули — что тут было!
Щепки в воздухе носило!
Гул стоял, земля дрожала!
Идол был — и вот не стало[26].
Успокоились остяки.
Не желая больше драки
Вскоре князь их к нам явился,
Силе нашей поклонился,
Принял шерть[27], ясак принёс,
Да еды подбросил воз.

Больше не было печали,
Снег сиял, деревья спали.
А потом пришла весна,
Лучезарна и красна́,
Величава и игри́ва
В этот год была она.
Обь-река водой дрожала.
Уходить пора настала

Воеводе, кораблям,
Да счастливчикам-стрельцам.
Сторожить острог осталось
Лишь полсотни человек.
Среди них и мне досталось
Свой тянуть в Сибири век»…

…Ветерок волной играя
Раззадорил корабли,
А они, кормой виляя,
Обью весело ушли…

БАРДА́КОВ ГОРОДОК

Разнеслись дурные вести
Из таежного предместья —
Русы двинули войска,
Ставить град для казака́,
Ставить в волости сургутской,
В землях князя Бардака́.
Князь Бардак совет сзывает,
Сыновей, друзей встречает,
Слышать думы-предложенья
Против русов он желает.
Тесно в княжеских хоромах
От друзей и от знакомых.
Жар стоит, очаг пылает,
Каждый словом разбивает
Войско русского царя,
Взором пламенным горя.

Княжич молвил Суета́:
«Русы вышли? Не беда!
Я ж с одной своей дружиной
Разобью их без труда!
Если вместе соберемся
От любого отобьемся!»
Кинема́ продолжил: «Да,
Слышал я, что нам на помощь
Вышла Пегая Орда.
Воня-князь сюда стремится,
Пусть Казак всех нас боится!»
Гул от витязей иных
Поддержал детей родных.
«Что ж» — ответил князь Бардак —

«Соберем бойцов в кулак,
И устроим в русской силе
Настоящий кавардак.
А теперь к себе ступайте,
Да дружины собирайте!»

Все ушли. Присел Бардак.
Заиграл огнем очаг.
В доме весело резвился
Переменчивый сквозняк.
Вскоре тихо появился
И до пола поклонился
Князю преданный мудрец,
И сказал, что наконец
Этим утром объявился
В Русь отосланный гонец.
Князь гонца к себе призвал,
Речи слушать возжелал.
И гонец, умерив робость,
Вот что князю рассказал:
«В семидневном переходе
Вниз Оби, в чужих угодьях,
Встали русские князья,
Сил особо не тая.
Были там стрельцы-казаки,
Были Кодские остяки,
Люд иной, мастеровой
Тоже был не дармовой[28].
Русы встретили меня
И препятствий не чиня
Дали встать перед князьями,
Как пред старыми друзьями.
Я дары твои вручил,
Мех пред ними разложил,
А потом слова поведал,
Те, что ты мне поручил[29]:

«Я, сибирский князь Бардак,
Дать готов царю ясак,
Мир держать с царём готов,
Другом стать для казаков,
Что угодно я свершу.
Город новый лишь прошу
Средь лесов моих не ставить,
Край Сургутский мне оставить».

И ответили князья,
Что ослушаться нельзя
Строгий, царственный наказ,
Государственный приказ —
Град поставить средь тайги
На брегу́ Оби-реки.
Но лишений, говорят,
Нам они не причинят.
В мире, дружбе и согласье
С нами быть они хотят».
И закончил, наконец,
Говорить о том гонец.

Тихо как-то в доме стало,
Только пламя трепетало…
И промолвил тут мудрец:
«Князь, ты вовсе не юнец.
Понимать давно обязан,
Будет город нам навязан.
И каза́ки встанут здесь.
Коль проявишь свою спесь,
Помешать им возжелаешь,
То со временем узнаешь,
Что не ждать тебе спасенья,
Что придут одни лишенья.
Ну а Пегая Орда
Не поможет, ведь тогда

Во́ня-князь Уру́нку-сына
Не дождется никогда».

Князь Бардак, взглянув на свет,
Мудрецу сказал в ответ:
«Знаю я, что Воня-князь,
Смерти сына убоясь,
Помогать Ордой не будет.
Сына милого добудет
Он за выкуп, за меха.
Ну а войско, от греха,
Средь земель своих оставил
Лишь послов сюда направил».

Князь призвал гонца поближе,
Прошептал, как можно тише:
«То, что я хочу сказать,
Только нам и можно знать:
К русам вновь, гонец, пойдешь,
И князей опять найдешь.
Скажешь, принял их совет
И мешать не буду, нет.
Даже буду помогать
Город новый воздвигать.
Но чтоб в племени своём
Так же смелым слыть вождём,
Чтобы не было постыдно,
Честь и гордость было видно,
Должен буду бой принять.
Бой принять, но… проиграть.
Об одном прошу лишь я,
Дети — вся моя семья.
Сыновья мои на сечу
Тоже выступят. Беречь их
Я от смерти призываю,
Лишь об этом вопрошаю».

ОСНОВАНИЕ СУРГУТА

Утонул восход багряный
В устье речки Тром-Ега́на[30],
Защищают берега
Толщи зыбкого песка.
Но каза́ки разгрузились,
С кораблями распростились
И стоят уже стеной,
Всей дружиной боевой.
Бронь начищена сияет,
Ветер знамя развивает.
Пики, сабли и пищали
Силы войску придавали.
Впереди Барда́ков град,
Виден в нём остяков ряд.
Луки, стрелы, сталь мечей
Были средь богатырей,
Средь защитников градка́.
Дети князя Бардака́
Тоже были в том ряду
У каза́ков на виду.

Тут Владимир, русский князь[31],
Не стесняясь, не таясь,
Пред казачьим войском встал,
Что есть мочи закричал:
«Эй, России молодцы́!
Грозных сечей удальцы!
Быстро взять остяцкий град
Без сомнений, без утрат,
Для отчизны, для страны,
Вы обязаны, сыны́!

Из пищалей чаще бейте,
Зелье[32] жгите, не жалейте,
Шуму больше создавайте,
Пулей стены расщепляйте,
Чтоб напуган был остяк,
Чтобы сдался нам Бардак.
А теперь вперед! Ура!»
Город взять пришла пора.

Казаки́ пошли вперед —
Это смелый был народ! —
Стены к ним всё ближе, ближе,
Становясь намного выше.
Вдруг смертельная река
Стрел взлетела из градка.
Взвизгнув весело в полёте
Пали стрелы на исходе
Не достав Руси войска.
Только парочка слегка
По доспехам проскрипела
И безвольно в тра́вы села.
А каза́ки в град, в ответ,
Тоже выслали «привет» —
Дружно грохнули огнём,
Так, что вздрогнул каждый дом
Средь Барда́ковой столицы,
Омрачив остя́ков лица.
Но остя́ки не сдались,
Стрелы вновь умчались ввысь.
Вскоре стала перестрелка
Воздух резать мелко-мелко.

Чтоб закончить эту рать
И победу одержать
Приказал Владимир пушку
С кораблей сюда пригнать.

Подогна́ли к войску пушку,
Поместили на опушку,
На ворота навели,
Огоньком фитиль зажгли
И, стрельнув большим ядром,
Породили страшный гром.
Вмиг рассыпались ворота!
Средь остяцкого народа
Небывалый вспыхнул страх —
Наступил защиты крах.
В град ворвались казаки́!..

В это время, средь тайги,
Выполняя ратный долг
Потаённый кодский полк
Убежавших поджидал
Из градка, да в по́лон брал.

Завершился славный день,
Вечер гнал на землю тень.
Присягнул царю Бардак,
Обещал сбирать ясак[33].
Воня-князь явился в град.
За Урунку был он рад
Выкуп выдать. А потом
Вместе с ним, в родимый дом,
Поскорей ушел тайгой,
Не оставшись на постой.

А Бря́тинский в тот день[34],
Лишь легла от солнца тень,
Подошел к Сургутке-речке[35].
И в одном её местечке,
Где бескрайний кругозор,
Где свобода и простор,
Где тайги суровой дали

Горизонты обнимали,
Он пространство озирал,
Долго думал, размышлял,
А потом, встряхнув главою,
Твердым голосом сказал:
«Будет город здесь стоять,
Будет край оберегать
И России интересы
Вглубь Сибири продвигать.
Будут жить казаки тут,
Создадут себе уют.
И пусть город этот новый
Называется Сургут[36]»...

...Скоро дружно застучали
По округе топоры,
Сосны стройные роняли
На́земь тяжкие вихры.
Стены брёвнами слагались,
И́збы крепкие росли.
Облака в Оби купались,
Жемчугами ливни шли.
Три недели пролетело,
Вспыхнул золотом восход,
Бабье лето жарко, смело
Обнимало небосвод.
Средь осеннего начала
Встал рублёный[37] новый град.
Встал надёжно, встал упрямо,
Встал, не ведая преград.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Был Сургут пограничной заставой
У пределов Российской тайги.
И снискал себе вскоре он славу
И любили Сургут казаки.
Год прошел, Воня-князь покорился,
Не сдержал он казацкую стать.
И отряд из Сургута пустился
На восток, новый край обживать[38].

Русь цвела, расширяла границы,
За верстою тянулась верста.
Казаки разлетались, как птицы,
В непокорные прежде места.
И в деревню Сургут превратился[39],
Жил себе он, не зная чудес,
Рыбной ловлею тихо кормился.
Рос в округе бушующий лес.

Годы шли, разыскала разведка,
Нефтяные богатства земли —
И тайгу осветила подсветка
Факело́в, что над нею зажгли.
Бурной жизнью Сургут озарился,
И от малого прежде градка,
Славным витязем он возродился[40]
Вширь и ввысь и уже на века!

2012—2013

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ***Атаман Ермак Тимофеевич*** — погиб 6 августа 1585 года. Утонул обремененный тяжелыми доспехами в Иртыше недалеко от устья реки Вагай.

[2] ***Струг*** — старинное речное деревянное плоскодонное судно.

[3] Источники указывают на разное количество стрельцов, участвовавших в походе — от 100 до 700 человек. Здесь выбрано число в 150 человек, как не позволившее начать повторное завоевание Сибири.

[4] ***Исќер***– столица Сибирского ханства. В результате звуковой трансформации слово Искер со временем менялось как Сибер, Сибир, Сибирь. По последнему слову сначала было названо ханство, а потом название перенеслось и на весь край.

[5] ***Обско́й городок*** — он же О́бский, Ма́нсуровский, Русский город, Ма́нсуровское зимовье и т. д. Первое русское укрепленное поселение в Сибири, основанное в 1585 году воеводой Иваном Мансуровым. Группой Угорского научно-исследовательского центра Уральского госуниверситета в 2003 году. выявлено, что Обской городок находился на левом, низком берегу Оби ниже устья реки Иртыш, в районе современного поселка Кирпичный. До этого ошибочно считалось, что городок располагался на противоположном берегу. Сожжен в 1594 году.

[6] ***Аничков Владимир Владимирович*** — (? -?), письменный голова, воевода, дворянин по Московскому списку. Основатель Сургута.

[7] ***Князь Фёдор Петрович Баря́тинский*** — по прозванию Борец (ум. 1638) — русский государственный и военный деятель конца XVI — начала XVII века. Основатель Сургута.

[8] ***Во́ня*** — князь Пегой орды.

[9] ***Чердынская дорога*** — В первые годы после падения Сибирского ханства единственная узаконенная правительством дорога в Сибирь. Начиналась от города Чердыни Пермского края, далее по цепочке рек Вишера — Веслуй — Почмога- Ивдель — Лозьва — Тавда выходила в реку Тобол.

Литва — подданные Великого княжества Литовского, в процессе военных столкновений между Литвой и Россией попадавшие в плен и затем отсылаемые в Сибирь. А так же наёмники-добровольцы из данного княжества. Основу «литвы» составляли литовцы и белорусы.

Черкесы — украинцы, прежде всего запорожцы, попадавшие в Сибирь в основном как наёмники.

Стрельцы, литва, черкесы стали основой зарождавшегося сибирского служивого казачества.

[11] ***Годовалый срок*** — срок продолжительностью в один год, на который служилые люди отправлялись на службу в точки, отдаленные от мест постоянного пребывания. Фактически «годовалый срок» из-за трудностей в замене людей длился намного дольше.

[12] ***Берёзов городок*** — основан в 1593 году на месте остяцкого поселения Суматвош (город берёз).

[13] ***Пищаль*** — огнестрельное оружие.

[14] К моменту описываемых событий в Сибири в хронологическом порядке были основаны следующие русские города: Обской городок — в 1585 году, у слияния Иртыша с Обью; Тюмень — в 1586 год, в устье реки Тюменки (притока реки Туры); Тобольск — в 1587 году, у реки Иртыш в 15 верстах от города Искер, бывшей кучумовской столицы; Пелым — в 1593 году, у реки Тавда; Берёзов городок — 1593 году, у реки Северная Сосьва.

[15] ***Пегая Орда*** — объединение племен селькупов и кетов в бассейнах Нарыма и Томи, существовавшее в XVI веке. Являлась союзником и восточным соседом Сибирского ханства.

[16] Описания Барда́кова городища не осталось. Составлено на основании раскопок остяцких городков на Барсовой горе и в поселке Сайгатино Сургутского района.

[17] ***Аблегери́м*** — пелымский князь вогулов (манси), союзник сибирского хана Кучума. Отличился рядом кровопролитных набегов в пермские земли.

[18] ***Номи́-Тору́м*** — в мифологии остяков и вогулов небесный бог. Является главой пантеона богов.

[19] ***Ясак*** — дань

[20] В 1592 году князь Игичéй Алáчев, союзного русским остяцкого княжества Кóда, совершил поход в земли Пегой Орды. В результате похода в плен был взят Урунка — сын князя Пегой Орды Вони.

[21] В наказе об основании Сургута говорилось о постройке города на берегу речки Сургутки в землях князя Бардака. Сведения отсутствуют, в соответствие с которыми в Москве узнали о землях князя Бардака. По историческим данным в походе князя Игичея Алачева русские войска не участвовали. Здесь стрельцы указаны преднамеренно, для констатации факта изучения русскими описываемых земель и знакомства с ними князя Бардака.

[22] ***Кынь-Лунг*** — в мифологии остяков младший брат Номи-Торума, повелитель нижнего, подземного мира. Олицетворяет силы зла. По приданию ушел под землю, пробив своим посохом отверстие в земле. Через это отверстие на землю вылезли комары-кровопийцы и духи болезней.

[23] В поход для основания города Сургут отправились 155 казаков и около 200 остяков союзного русским Кодского князя Игичея Алачева.

[24] Подразумевается воевода Иван Мансуров, основатель Обского городка.

[25] До прихода русских в Сибирь остяки никогда ранее не сталкивались с мощными крепостными сооружениями.

[26] В летописных данных указывается следующее: «...Назавтра же снова пришли остяки к крепости и принесли с собой идола своего и почитали его неверные как бога. Вот его и поставили под деревом и начали кланяться ему, надеялись как-то с его помощью захватить христиан и смерти предать. Но в то время,

как они молились, выстрелили из крепости из пушки и то дерево, под которым был кумир, разбили на мелкие куски. И этого неверные очень испугались, не понимая, что это такое, и думая, будто кто-то из лука выстрелил. И говорили друг другу: „Сильны же стрелять, раз такое дерево разбили“. И от испуга ушли восвояси…»

[27] ***Шерть*** — у народов, проживавших за Уралом — присяга на верность. Здесь: ***«принял шерть»*** — признал над собой верховенство московского царя.

[28] Воеводой Аничковым, во время продвижения к Обскому городку, для строительства Сургута из Перми было взято с собой 20 плотников.

[29] Князь Бардак, будучи одним из наиболее сильных князей Сибири, на удивление быстро признал верховенство русского царя. Получил от царя множество привилегий. После описываемых событий принимал участие в покорении сургутскими казаками Пегой Орды. Причины поведения князя неизвестны. Здесь и далее приводится авторская версия развития событий.

[30] Бардаков городок находился недалеко от впадения в Обь речки Тром-Еган (Тромъёган).

[31] Подразумевается Владимир Аничков.

[32] ***Зелье*** — старинное название пороха.

[33] После присяги на верность (принятия шерти), Бардак продолжал собирать с подданных ясак и, отправляя его царю, оставлял себе определённую долю.

[34] По одним историческим документам Барятинский и Аничков принимали совместное участие в покорении Бардака. По другим — Барятинский мог появиться в Сургуте лишь незадолго до окончания строительства Сургута. Здесь выбрана версия, приближенная к первой.

[35] Вскоре после описываемых событий речка Сургутка, в честь князя Бардака, была переименована в речку Бардаковку (Бардыковку).

[36] В 2012 году в результате археологических раскопок был обнаружен острог первых поселенцев города Сургута, располо-

женный непосредственно в современном городе, недалеко от протоки Бардаковки, в районе мемориала Славы.

[37] Все деревянные города того времени назывались рублёными, потому что строились, «рубились», с помощью топора. Пилами в тот период времени ещё не пользовались.

[38] В 1604 году сургутскими казаками был основан город Томск.

[39] Сургут лишился статуса города в сентябре 1923 году.

[40] Сургуту статус города был возвращен 25 июня 1965 года.

Легенда о Марьиной горе

ПРЕДИСЛОВИЕ

Водились Пушкины с царями,
Из них был славен не один.
А.С.Пушкин

Уважаемые читатели! Вашему вниманию представляется попытка объединения между собой исторических событий, происходивших в Сургуте в 1626—1627 годах, с одной из печальных сургутских легенд — легендой о Марьиной Горе. Самые нетерпеливые могут заглянуть на последнюю страницу данной работы, где приводится текст легенды и прочитать её.

Легенда о Марьиной горе. Именно это название и было решено использовать для названия произведения.

И ещё. Хочу попросить прощения за то, что преднамеренно, либо случайно, но в некоторых случаях навязывал действительно существовавшим людям несвойственные им поступки и мысли, решения и дела. Я преклоняюсь перед ними, перед людьми, внесшими свой вклад в развитие города, освоение Сибири, преобразование России и хочу перечислить имена тех, кто действительно жил и служил Сургуту, служил Сибири, имена тех, кого упоминаю в данном произведении, а именно:

Никита Евстафьевич Пушкин — воевода города Сургута в 1625—1626 годах;

Богдан Иванович Белкин — воевода города Сургута в 1625—1626 годах. Соправитель Пушкина;

Андрей Андреевич Хованский — воевода города Тобольска в 1626—1628 годах;

Михаил Семёнович Гагарин (Турок) — воевода города Сургута в 1627—1628 годах;

Илинарх — священник сургутской соборной Троицкой церкви;

Афоня Кондаков — подьяк города Сургута — представитель низших административных чинов;

Яков Шпако́вский — атаман сургутских казаков;

Ян Плешевский — атаман сургутских казаков;

Оксютка (Аксинья) Кайдалиха — казачка;

Макар Ортемьев (Артемьев) — тобольский казак;

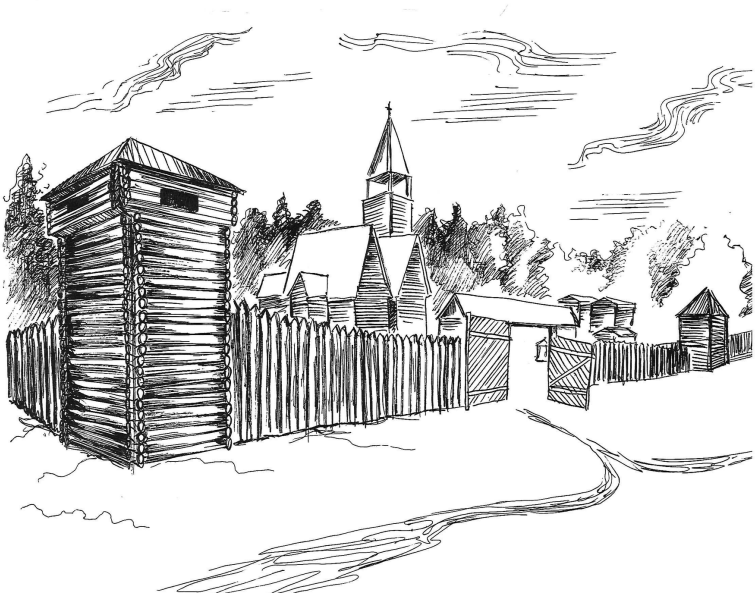
Ирина — жена Ортемьева Макара;

Иван Литвинов (Литвин) — казак, прибывший на службу в Сургут в 1626 году.

О реальном существовании других персонажей произведения подлинных документальных данных не обнаружено.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

...О днях седых таёжной были,
О том, что верили, любили...



***

Лучом играя над землею,
Рождая звонкую капель,
Резвился снежною зарею
Румяный мóлодец апрель.

Олени зимником бежали,
Тянулись нарты вдоль реки.
Остя́ки в нартах восседали
Как настоящие князьки.
Сей караван в приобский город,
Что нам известен как Сургут,
Бежал в заснеженных просторах.
А в нем спокойствие, уют
Нашли тобольские вояки —
Пяток стрельцов, средь них один
Недавно принятый в казаки,
Иван, по прозвищу Литвин.
Укрытый шубою овчинной,
Обняв казенную пищаль,
Он взором юным и невинным
Глядел в синеющую даль.

Пронзая шорох каравана
Церквей раздался тихий звон.
Как заживающая рана
Приятен был для сердца он.
Тайга объятья приоткрыла,
Сургут явив на берегу.
Стен крепостных и башен сила
Отпор любому дать врагу
Могла спокойно, но достойный
Исчез в тайге давно уж враг.
И лишь умишком обделённый
На город мог полезть дурак.

Поход казачий завершался,
К Сургуту прибыл караван.
Над караваном возвышался
Дыханьем за́чатый туман.
Оправив тяжкие кафтаны,
Сгрузив казённые тюки,

Под солнцем, огненно-багряным,
Во град шагали казаки.
Открыты города воро́та,
Встречать служивый новый люд
Явился Пушкин воевода
(Никитой Пушкина зовут).
С ним рядом был Шпако́вский Яков,
Когда-то в прошлом польский пан —
Сургутской конницы казаков
Теперь надежный атаман.
Прибывших воинов десятник
Пред воеводой бил поклон.
Таёжной власти верный ратник
Поведал князю вот что он:
«Мы по наказу из Тобольска
К тебе приехали служить.
Прими нас, князь, в Сургута войско.
И буйны головы сложить
На ратном поле аль на плахе,
В кафтане ярком аль в рубахе
Готовы мы без промедленья,
Коль дашь на то своё веленье».
Никита Пушкин молвил вскоре:
«Живите, недругам на горе,
И волю батюшки царя
Вершайте, землю бороня».
Приняв от Пушкина ответ
Казак слегка приободрился,
Изъял две грамоты на свет
И молвить далее пустился:
«Двум соправителям Сургута,
Тебе и Белкину Богдану,
Во встречи дивную минуту,
Без кривотолку и обману,
Вручить бумаги я обязан,
А в них тобольские наказы».

«Письмо, казак, своё приму,
А Белкина принять не волен» —
Сказал Никита и к сему
Добавил: «Дюже Белкин болен.
Его увидишь завтра ты,
Ну а пока прими веленье —
Веди в казацкие ряды
Сургуту-граду пополненье».

Ушли тобольские ребята
В Сургут бревенчато-дощатый.
У врат, по-прежнему открытых,
Стоял задумчиво Никита.
Письмо на свет изъял опять,
Сломал у грамоты печать
И строк разливом зачитался,
Вникая в их витую прядь.
Шпаковский рядом отирался,
Глаза на грамоту косил,
Не утерпел, не удержался,
Донос на Белкина излил:
«Князь Белкин, именем Богдан,
Царём во город назначенный,
С вечерни ходит зéло пьян.
Допьётся брагою крепленной
В какой-нибудь из светлых дней
Он до погибели своей».
«Ну, бог на то ему судья», —
Тряхнув седою бородою
Промолвил Пушкин: «Ты да я
С ним сведены одной судьбою.
Послушай лучше, что сия
Тобольска грамота сказала,
Кого в сургутские края
На службу долгую прислала:
Троих из города Рязани,

Один по говору двинянин.
А пятый родом из Литвы
Земель противницы Москвы.
Пущай же он к тебе идет.
Едины вы — не первый год
Литва и ляхи верой слиты
В пределах Речи Посполитой…
А все ж вопрос держу один:
А как на Русь проник литвин?
Как ты, попал через поло́н?
Аль невзлюбил костёлов звон?
Аль дом сгорел его средь смуты?
Аль рабства сбросил тяжки путы?
Любая новость в интерес,
Когда глухой в округе лес».

***

…Сегодня время, словно злато,
Бежит, уходит без возврата.
И, чтобы нам его сберечь,
Немного укоротим речь
Про казако́в распределенье,
Домам и избам расселенье,
Про быт, знакомства и уклады,
Царём дареные оклады.
Откроем новую страницу,
Дней пропустив одну седмицу…

***

У стен открытое пространство,
За ним весна пронзает лес,
И белоснежное убранство
Сияет золотом небес.
На башне, к лесу обращенной,
На караульной высоте
Литвин Иван стоял смущенный,

Не той внимая красоте.
Не веселят волшебны дали —
Иное в сердце в эти дни.
И очи, полные печали,
Роняли томные огни
Во град на юную девицу.
Он увидал её впервой,
Когда в разрядную светлицу
Шел предвечернею порой.
Её глаза огнем пылали
В тени божественных ресниц,
И губы алостью взывали
Любить сияние зарниц.
Три дня с поры той пролетело,
Три ночи кануло с тех пор,
А сердце, знойное, горело,
О ней ведя всё разговор...
«Во взоре, Вань, туши пожар», —
Товарищ молвил по наряду:
«Горишь, ты, словно птица-Жар,
Сожжешь зазнобушку-отраду».
«Поведай, друже, кто она,
Сие волшебное виденье?»
«Она-то? Прохора жена,
Купца свободного рождения.
Они из У́стюга явились,
Живут в Сургуте третий год.
Торговлей всякой обрядились,
Имеют множество подвод.
Ну а девицу Марья звать.
Прими, Иван, совет надежный —
Не смей при ней ты так сиять,
Ведь Прохор, злобою безбожной,
Узнав, о ком душа томится,
В раз изведет тебя с землицы».

Девичье сердце знает верно,
Кого корысть одна влечёт,
А кто душой горит безмерно,
Кому любовь, что сладкий мёд.
Той безмятежною порою
Через торговый людный ряд
Шла Марья, чуя за собою
Казацкий томный, робкий взгляд…

«Постой же, красная девица», —
Ломая дум сердечных круг,
Слов прилетела вереница:
«Здоров ли Прохор, твой супруг?»
Узрев во гласе горделивом,
Что Белкин князь за ней идет,
Она ответила учтиво:
«Мой Прохор, ласковый соко́л,
Телесных бед живет не зная.
Тебе же, батюшка, сто лет
Во славе, здравии желаю
Прожить, милуя́ белый свет».
«Спасибо, светлая девица», —
Сказал ей князь, поджав губу:
«Скажи-ка мужу, пусть явится
Он завтра в съезжую избу.
Продлится с Прохором беседа
С утра до самого обеда.
А там, быть может, съезд ему
Пополнит золотом суму»…
Окончен скорый разговор.
Богдан откланялся делами,
Торгов покинул шумный двор,
Взмахнув тяжелыми перстами.

***

Уютный дом да два сарая,

Амбары полные зерна,
Ворота, мыльня небольшая,
Забора крепкая стена —
Надежно Прохор всё отстроил,
Торговлей прибыльно живет.
Он состояние удвоил,
Вертясь в Сибири третий год.
Он знает слабости начальства,
Ведёт обширные пиры.
Порой готов на зубоскальство
И на различные дары.
Коль дело прибылью сияет,
Звенит сияющим рублём,
Ему никто не помешает
Нажиться златом-серебром.

Шептало ясное светило
Тайге последние слова.
Светило на ночь уходило,
Луны рождалась голова.
Калитка Прохора усадьбы
Открылась, Марью предъявив…
Ещё хотелось рассказать бы,
Что был там пес — могуч, красив!
Серко зовут — и он при встрече
С хозяйкой милою своей
Брехней взорвал утихший вечер,
Весёло прыгая пред ней.

Сарая скрипнули ворота,
Являя мужа в зипуне:
«Ну? Где ты ходишь? Нет заботы
Тебе в домашней стороне?»
«К подружкам утром я ходила», —
Ступила Марья на крыльцо:
«Совсем расщедрился Ярило[1],

Лучами брызгая в лицо.
Весною будни стали дольше,
А мы всё зимними живём.
Там заболталась я, но больше
Надолго свой не брошу дом».
Припомнив Белкина наказ,
Она пустилась в пересказ:
«Богдан, сургутский воевода,
Мне повстречался по пути.
Велел делам твоим в угоду
В избушку думную прийти».
Купец, рожденьем из Устю́га,
Воспринял вести без испуга.
Промолвил он без суеты,
На Марью очи поднимая:
«Добро́, схожу туда. А ты
Ступай домой, ступай родная».

Лишь завершился разговор,
И Прохор вновь исчез в сарае,
К ним на большой, просторный двор
Явилась девка дворовая.
Она до Марьи подлетела,
Догнав у самой у двери,
Упала, громко заревела:
«Хозяйка! Нюрку не кори!
Забыв про хлопоты, заботы,
Я в караулку унеслась.
На друга милого невзгоды
Вновь уронила града власть.
На башне той, что охраняет
Проход от северной тайги,
Опять мой Гришка прозябает.
А там, хозяйка, сквозняки!
Гудят ветра — горды, седы!..
И... я снесла ему еды»...

«Ступай в избу, согрей-ка чаю», —
Велела Марья, не серчая.
Потом она слегка смутилась,
Зарделась девичья щека:
«Скажи-ка, Нюрка, мне на милость,
Кто был у Гришки казака
В друзьях на башенке крутой?»
«Той поднебесной высотой
С Гришуней новенький Иван
Стоял, недýги разделяя…
Чегой-то лик твой стал румян?
Аль хворь пришла к тебе какая?»
Хозяйка белою рукой
Открыла дверь, вошла в хоромы,
Сказала: «Что ты? Бог с тобой!
Мы с хворью вовсе не знакомы».

***

Заря укуталась периной
Из полусонных облаков,
У съезжей и́збы две рябины
Дремали в мареве снегов.
В избе растопленная печка,
Скамейки тяжкие скрипят.
Горит, потрескивая, свечка,
Роняя свет в казачий ряд.
Здесь были оба воеводы,
Шпакóвский Яков тоже был.
Ещё, в нарядах польской моды,
Плешéвский Ян усы крутил.
Подьячий был, чернил хозяин,
Бумаг ваятель про Сургут.
Сидел и Прохор Устюжанин,
Один за весь торговый люд.

В избе для думного решенья
Сургута власти собрались.
Высоких грамот повеленья
Устами Пушкина лились:
«Тобольск людей сибирских кличет
В калмыцкий край вершать поход —
Для государственной добычи,
На государственный доход.
Собраться велено в Тюмени,
Затем уйти рекой Иртыш,
И кораблям, без промедлений,
Проникнуть в озеро Ямыш.
Ямыш солён — и соли этой
Судов груженый караван
Походу надобно за лето
Добыть на благо россиян[2]».

Притих Никита, смолкла речь,
Огнем дрова лизала печь.
Продолжил новые слова
Богдан, сургутский голова:
«Должны в дорогу мы отправить
Казацких душ двенадцать штук.
В Ямыш каза́ков переправить
Должо́н речной служивый струг.
Но вот беда — казённы струги
Давно исчезли из округи.
На Томск ушли и Мангазею...
Наказа, чтоб решить затею,
На думну встречу между нами
Явился Прохор Устюжанин.
Скажи нам, Прохор, любый друг,
В поход ли дашь торговый струг?»

И Прохор встал, склонясь главою
Перед Сургута головою:

«Ну что же, братья-христиане!
Берите в путь кораблик мой!
Ведь я ж совсем не басурманин,
Чтоб жить одною лишь сумой.
Богдан, великий воевода,
Великий града голова,
Бери хоть всю мою подводу —
Даю на то свои слова!»
На съезде этом, в заключенье,
Изрек Богдан своё решенье:
«Добро, лишь только воды вешни
В Оби широкой заблестят,
Готовь в дорогу струг поспешно.
А нынче внемли, милый брат,
Прими же думное решенье —
Делам твоим не ждать лишенья.
И от ямышских солеварен
Получишь прибыль, Устюжанин».

Скрепила города печать
Пером начертанные строки —
В них договор, на нём стоять
Должны две стороны престрого.
И заключённое письмо
Торговец Марье выслать просит.
Он сам делец — дельца клеймо
Его в Пелым на торг уносит.

***

Сияет пепельная ночь,
Луны горит очарованье.
Не спит Литвин, ему не в мочь
Унять души переживанье.
Он должен завтра передать
Письмо купеческое Марье.
Он будет рядом! С ней стоять!

И привлекать её вниманье…
Письмо в торговую артель
Пред ней продержит лишь мгновенье.
И у него в душе метель
Рождала сладкие виденья.

***

Ещё озябшие березы
Не сняли снежную вуаль,
Ещё уставшие морозы
Несли унылую печаль.
Но серебрился звон капели,
Бежал, играл волной ручей,
И о́рды птиц с югов летели
В свой дом, что прочих был милей.

Пыхтел румяный самовар,
В кадушке тесто мерно прело,
Сияло солнце, лился жар,
Окно, пронизывая смело.
Сидела Марья у стола,
Рубаху мужу вышивала,
А пол в избе метла мела,
Живя под Нюркиным началом.

Серко залаял у калитки,
Гремел цепями, бил хвостом.
На стол сложила Марья нитки
И с Нюркой глянула в окно.
И увидала — пред забором
Казак размахивал письмом.
На нём кафтан прошит узором,
Лучом горел его шелом.
Узнала в нем душа-девица
Людей царевых сослуживца.

Литвин, конечно же, то был!..
Скрывать пытался жаркий пыл.

Встречать казацкого посла
Решила Марья, поднимаясь.
Да не осталась у стола
И Нюрка, девка дворовая.
Серко укрыли в конуре,
Калитку витязю открыли.
Свершилось чудо!.. во дворе
Иван стоял под небом синим.
И робость юную скрывая
Он дрожь хотел свою унять.
Письмо, протягивая Марье,
Хотел он многое сказать.
Он понимал, что вместе, оба,
Они вблизи, они вдвоём!..
Но прикипели зубы к нёбу,
Дыханье запер тяжкий ком...
А Марья что? Приняв посланье,
Забрав посольское письмо,
Она спросила: «Наказанье
Аль радость в дом несет оно?»
Промолвил мóлодец Литвин,
Ломая робости оковы:
«Съездной избой большой почин
Торговцу Прохору милóван.
К походу названный купец
На воду струг спустить обязан.
Письмо принес тебе гонец
По воеводскому наказу.
Его в артель для корабелов
Должна ты, Марья, передать.
Чтоб стругу быстро и умело
Придать смогли речную стать»...

Слова окончены, Ивану
Велят уйти и долг и честь.
Разлукой ро́жденную рану
Ему с собой пришлось унесть.
Прощально скрипнула калитка.
Звук сапогов вдали зачах…
И трепетали нитки свитка,
Ласкаясь в Марьиных перстах.
Гонец, избы распоряженья —
Всё это Марье не впервой.
Но почему сердцебиенье
От сей бумаги вестовой
Столь сильно голову вскружило?
И как его теперь унять?
Неужто?.. Нет!.. Не мил Литвин ей!
Забыть!.. Да в дом скорей бежать!

***

Ютились мокрые сугробы
В сосновой, призрачной тени.
Их потемневшие особы
Скупой слезой считали дни,
Что жить с мечтою им осталось
Не о земле, о небесах.
И этих дней осталось малость —
Истают вскоре на глазах…
А Обь водицей богатела,
Сбирая дань из ручейков.
Волна играла, чайка пела,
Качая лодки рыбаков.
Толпа шумела на причале,
В поход готов казачий струг.
Рыдали бабы, провожали
Ведь не чужих царевых слуг.

Вдали, одна, в уединенье,
Стояла Марья средь берез.
Дивилась Марья представленью —
Не каждый день такое нес
В таёжну глушь, Сургуту граду,
Кому в печаль, кому в отраду.
Уходят хлопцы молодые.
Но дни закончились лихие,
Отряды ворогов уж боле
В тайге не встретишь, не во поле.
И мир средь множества племён
Давно в Сибири становлён.
Вернутся все,... а кто уж сгинет,
Кого Господь внезапно примет,
Тому, знать, писано судьбой,
Что не воро́тится домой.

Недолго в мыслях о грядущем
Стояла дева. Сон берез
Нарушил шаг легко идущий,
Что робость Марье вдруг принес.
Литвин, в походном одеянье,
Через мгновенья рядом был.
Чтоб не заро́ждилось молчанье
Иван скорей заговорил:
«В команду этой грозной струги
Я, Марья, тоже заключен...
Хочу признаться — боль разлуки,
Тяжеловесный в сердце звон
Рождает горестно сознанье,
Что мной полученный приказ,
Дадён как будто в наказанье,
Чтоб не видал я боле глаз
Твоих, прекрасная Мария...
Как буду жить, скажи, в дали я?
Ещё хочу промолвить я —

Ты лю́ба мне, душа моя!..»
Мария громко рассмеялась,
Сказала: «Что ж ты, мил Иван,
Заря лишь в небе расплескалась,
А ты немножко будто пьян?»
Заметив воина волненье,
Узрев у витязя тоску,
Она продолжила: «Томленью
Помочь я, молодец, могу.
И коль честно твоё сердечко,
И столь слова твои горьки —
Возьми, казак, моё колечко,
Его в дороге береги.
Оно простое, медью лито.
Но в череде походных дней,
Пусть обере́жною защитой
Судьбы является твоей.
А как вернешься, на крылечко
Подбрось, ты, в таинстве моё
Колечко это, а сердечко
Угомонишь потом своё.
Отыщешь новую зазнобу,
Взрастишь сынов и дочерей.
Меня ж, как прошлую особу,
Забудешь в скорости ты с ней».
Иван, колечко забирая,
Не слушал более речей —
Его пленял и облик Марьи,
И васильковый цвет очей,
Запоминал плечей движенье
И рук, волнительный полет...
Но долг есть долг, его веленье
Ивана в путь уже зовет.

Час пролетел, второй и третий.
И белый парус средь брегов
Давно укрыл приобский ветер,
Забрав с собою казаков.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

***

Тянулись дни. И белы ночи
Уже сомкнули звездны очи.
Таёжный, долгий, летний день
Убрал с небес ночную тень.
В далеком городе Сургуте
С весны живут спокойно люди
Без бед и радости великой,
Среди обыденных забот.
Но будни лентою безликой
Плестись не могут цельный год.
Полдневной, знойною порою,
К Сургуту скромно подошли,
Плескаясь обскою волною,
Из Мангазеи[3] корабли.
Зимовье долгое свершилось,
Закончен промысел пушной.
Рекой весенней, полной силы,
Дельцы отправились домой.
Известье это, во мгновенье,
Собрало скоро на причал
Все городское населенье —
И стар здесь был и тот, кто мал.
Друзья с друзьями обнимались
И жены тискали мужей.
Меха на берег вынимались
Из мангазейских кораблей.
Там заяц был, собольи шкурки,
И, словно пламени река,
Огнем сияли чернобурки
Златокипящего градка[4]...

Среди судов речной дружины
Был невелик и невысок,
Но так же, прибывший с пушниной,
Торговца Прохора челнок.

***

Вечо́р пролил седые лужи.
И меж простых, житейских дел,
Большой, веселый, званый ужин
В усадьбе Прохора гудел.
Начальник братии челночной
Сидел с торговцем за столом.
Еремкой звать, прикрывши очи,
Склонясь пред Прохором челом,
Он молвил вот какие речи:
«… отбились мы на речке Таз
От каравана в поздний вечер.
Потом пришел полночный час.
И мы выискивали встречу
С укромным местом для ночлега
Вдоль тихого, пустого брега.

И тут случилось увидать
Во поле вольном и широком
Стоянку рода самоядь[5].
Застыли юрты одиноко.
Их было три. Костры пылали,
Рождая всполохи тепла.
И к ним, с прошеньем о привале,
Команда наша подошла.
Мужей с десяток в юртах было —
Охотников больших степей.
В тени, у стен, дремали мило
С десяток жен, пяток детей.
А на полу и ко́злах разных
Сияли дивные меха

Пушных пород разнообразных…
Потом доведших до греха
Команду нашей вольной струги…
Ну а пока ушли недуги.
Добро охотники нам дали,
И на привал мы рядом встали.
Затем был пир. С мужьями рода
Немало выпили вина.
В туманной дымке небосвода
Явилась после тишина…

Хмельные спали самоеды,
Своей, не ведая беды…
Мужей убили мы. В последок,
Чтоб скрыть кровавые следы,
Тела у брега закопали.
Детей и девок в по́лон взяли.
На струг упрятали пушнину,
С пустых брегов рекой ушли.
И, паруса легко раскинув,
Догнали вскоре корабли.
На Обь-реку Обской Губою
Проникли мы, забыв про Таз.
В пути же, дело воровское,
От посторонних вел я глаз.
Кабальны грамоты подделал
На весь большой живой товар.
И превратил бумагой смело
Его в свободный, вольный дар
От мангазеевских народов,
От самоедовых князей…
Но выдал Бог людя́м невзгоды
Суровой волею своей.

Лишь час один для нас остался
К Сургуту городу идти.

Но тут, внезапно, повстречался
Никита Пушкин по пути.
Никита выполнил досмотр
Всех мангазейских кораблей.
С меня же, Пушкин воевода,
Не отводил своих очей.
Каба́льны грамоты проверил,
Людей на струге осмотрел.
Но сам бумагам не поверил
И полонённых повелел
Доставить в город к толмачу[6],
Кто самоедов понимает.
Я понял — позже к палачу
Меня дорога поджидает
Лишь только вскроется обман.
И к толмачу доставить сам
Я самоедов подрядился.
На лодку с ними усадился,
Взял в руки два тугих весла.
И лодка вскоре понесла
Нас на Обску́ю середину.
Тут волны грозные, нахлынув,
Кораблик наш перевернули,
И самоеды утонули...»

Испил вина делец Еремка,
Кругом застолье было звонко.
Лишь Прохор, речь воспринимая,
Молчал задумчиво один.
Подсел к нему властитель края,
Второй Сургута господин,
Князь Белкин, с кубком золоченым.
Спросил: «Чего ж ты огорченным
Сидишь, мил Прохор, за столом?
Так выпьем, брат, с тобой вдвоем
За прибыль, яркие меха! —

Уваж Богдана старика».
«Доход любому нонче нужен» —
Ответил Прохор в сей же час:
«Но только жаль чужие души,
Уже покинувшие нас.
Грущу о людях самоедах,
Утопших у Сургутских врат.
Мне Еремей сейчас поведал,
Что Пушкин в этом виноват —
Из-за него погибли люди,
Житья достойные в Сургуте...»
«Да... мне знакомо это дело.
И вот, милок, чего скажу —
Пиши в Тобольск бумагу смело,
Тебя, торговец, поддержу.
Пущай Сибири знает власть,
Любого, кто пониже чином,
Готов Никита обокрасть —
Угомонишь свою кручину».

Шумливо яркое веселье!
А рядом с ним, в своей светлице,
Упав бессильно на колени,
Рыдала Марьюшка девица.
В денек, что был с утра пригожий,
«За что всё это, молви, Боже!..»,
Кораблик к берегу пристал
С Ямыш-озерских солеварен.
И весть короткую прислал
О сгинувшем в степи Иване.
Откуда он? Молчали вести.
На Томск, из города предместья
Уплыло судно это вскоре,
Оставив во Сургуте горе.
Упала Марья на колени
Перед иконою святой.

Взмолилась: «Боже! Дай прощенья
За грех большой и тяжкий мой!
Не люб супруг теперь мне боле,
Литвин лишь на́ сердце один.
Лишь об одном прошу, не боле!
Оставь земле его живым!»...

Скулил Серко у ног Марии,
Глядел ей преданно в глаза.
А за окном, во внешнем мире,
Злорадно вспыхнула гроза.
Ударил гром суровый. Свыше
Потоки вод низверглись вниз.
Скреблись в окошко, словно мыши,
Дожди... вдруг двери разошлись,
В светлицу Нюрку пропуская.
Сияла девка дворовая.
Она промолвила подруге:
«Хозяйка, сгинули недуги!
Ямыш-озерским кораблем
Посланье выслал мой Григорий.
В любви клянется!.. С ним вдвоем
На службе, в радости и в горе,
Казак надежный верно дружит
И о тебе, Мария, ту́жит.
Они дозорные дела
Ведут вдвоем в степной долине —
Письмо тебе я принесла
От иноземного Литвина».

Забыты слезы, боль, страданья —
Спасибо деве дворовой! —
Письмо скорей схватила Марья...
Ланит горел её младой.
И сердце Марьи ликовало,
Дрожала тонкая рука,

Когда послание читала
Она Ивана, казака:
«Поклон тебе, Мария, низкий!
Пишу я быстро. Струг стоит
Перед очами. В путь не близкий
Домой он скоро поспешит.
Служу отчизне я надежно,
Гордиться можешь, Марья, мной.
Доспехи чищены, а в ножнах
Булат ношу всегда с собой.
А сам, Ямыш-то, мелководен.
Соль самородная лежит
На белом дне. Её выводят
Наружу звонкие ключи.
Куда ни глянь — сплошные степи,
Кругом высокая трава.
И лишь у брега торг укре́плен,
А в нем калмыцкая молва
Слышна с утра и до заката.
На то́рге кони, хлеб, халаты,
Изделья дальней Бухары...
Но знай, Мария, только ты
Моё желанное богатство.
Лишь звезд волшебное убранство
Ночь перекрасит в серебро,
Туман, уснувшее пространство,
Как потаенное добро
Укроет космами седыми...
Я сразу облик твой, Мария,
Волшебный вижу пред очами.
Тобой дышу, тебя я слышу
Степными, долгими ночами.
А обере́жное колечко
Храню всегда я у сердечка.
На этом строки завершаю,
Поклон, ещё раз, низкий шлю,

Перста твои лобзаю, Марья.
И знай, что я тебя люблю»...

Читать закончила Мария
Посланье милого дружка.
Стучало сердце, в небе плыли
Периной, легкой, облака.
Сверкали очи, отражая
Багрянец дивной, белой ночи,
Ушли дожди, умолкли грозы.
Платком укрыла, Марья, косы,
На лавку крепкую уселась
Да и от счастья разревелась.

***

Поход свершился! Много соли[7]
На нужды все и даже боле,
Добыли Матушке-России
В тот год служивые Сибири.
В Сургут, в начале сентября,
Стрельцы вернулись ранним утром.
У брега, бросив якоря,
С речным простились перламутром.
Встречать Григория дружка
На берег Нюрка прибежала —
Два сизокрылых голубка
Стояли долго у причала.

Потом же с ней, Иван для Марьи,
Отправил тайное посланье.
Он звал её на встречу в вечер,
Туда, где было расставанье.

***

День, словно старец молчаливый,
Усталый, с древнею клюкой,

Плелся́ вперед неторопливо.
Но и ему пришел покой.
Закат малиновые краски
В Обску́ю вылил толщу вод.
Листва в златистой легкой маске
То вздрогнет скромно, то вздохнет.
Среди березовой стихии
Стоял Иван перед Марией.
Глядел ей в ласковые очи,
Промолвил: «Марья, долги ночи
Мечту лелеял я о встрече.
И вот настал желанный вечер.
В груди сердечко громко бьется.
К тебе оно, Мария, рвется...»
«Опомнись!» — молвила девица:
«Я не свободная давно!
Нужна тебе другая птица,
Совьешь с ней тихое гнездо.
Ну а меня не мучай боле,
Не вызывай тоску к неволе».
Стоит Литвин, поникли плечи,
Тускнел желанный прежде вечер.
Шнурок с колечком с шеи снял
И речь печально продолжал:
«Слова держу я — здесь, у брега,
Прощаюсь с милым оберегом.
Его тебе я возвращаю».
«Ах, нет!» — воскликнула тут Марья:
«Оставь себе колечко это,
И знай, что с ним, весь путь с тобой,
Все дни томительного лета,
Я провела, забыв покой»...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

***

В града́х Сибирских в воеводах
Служили люди по́ два года.
В пору́ суровых тех годин
На воеводство двух сажали
Людей, чтоб вместе, «заодин»,
Они вопросы разрешали.

И меж собою высший стан
Сургутской власти разделяли
Никита Пушкин да Богдан
Из рода Белкиных. Прислали
Их для совместного правленья
В Сургут, по царскому веленью,
Уже давно. Уж больше года
Должны дружить бы воеводы.
Но только дружба не сложилась,
Беда меж ними приключилась…

***

Была у Белкина жена.
Ириной звать, своей красою
Была известная она.
А честь, законы Домостроя,
Ирина ревностно блюла.
И для Богдана лишь мила
Она была ночной порою.

Внезапно, тяжкое письмо
В Сургут явилось из Тобольска.
И громогласное оно

Раскол внесло в казачье войско:
«Нам челобитную с прошеньем
Прислал казак Макар Ортемьев.
Казак тобольский. В прошлом годе
Ортемьев был в большом походе.
Ну а пока он был далёко,
Через Тобольск своей дорогой
В Сургут на службу Белкин шел.
Подговорил он и увел,
Прельщая жизнью без кручины,
Жену Макарьеву — Ирину.
Теперь приказ хотим издать:
Сию, неверную девицу,
Из дома Белкина изъять,
Придать допросу и в столицу
Сибири выслать кораблем.
Веленье Пушкину даём
Свершить приказ по-христиански.
Приказ подписан октябрем.
Тобольский князь, Андрей Хованский».

Гудело града населенье,
Узнав о том, что Белкин вор.
О воеводском искушенье
Носился всюду разговор.

Но отдавать жену без боя,
В Тобольск на веки возвращать,
Богдан не в силах был, и вскоре
Людей своих он стал сзывать.
И силу в ратном снаряженье
Собрал Богдан в своем именье.

***

Тревожный день. И слово плетью
В окно промерзший бился ветер.

В съездно́й избе с утра сидели
Владыки города и войска.
Приказ, пришедший из Тобольска
Сегодня выполнить хотели.
И с каждым Пушкин в думах ровный —
Здесь Илинарх, глава церковный,
Подьяк[8] Афоня Кондаков.
Плешевский Ян, Шпаковский Яков
С десятком преданных казаков.
Средь них для выемки Ирины
Призвали к делу и Литвина.
Нелёгко дело предстояло —
У Белкина друзей немало…

Вдруг распахнулись двери в сени,
Вбежал и рухнул на колени
Холоп из Белкиного стана:
«Отец мой, батюшка Никита!
Греховны помыслы Богдана!»…
«Ну! Говори же, не молчи ты!»…
«Собрал Богдан сегодня рано
Подвластный люд. Вручил мирянам
Пищали, сабли, луки, стрелы.
Велел тебя придать расстрелу,
Лишь изымать придешь Ирину.
Перед царем потом едино
За грех божился он ответить,
А нас поминками[9] приветить.
Когда оружье раздавали
Остяцкий лук мне в руки дали.
Я с ним бежал. Теперь, Никита,
Душа моя тебе открыта»…

Метелью выл злорадный вечер,
В избе дрожали горько свечи.
Привстал Афоня Кондаков:

«Ну что ж, Никита, раз таков
Расклад виднеется бесовский,
Десяток верных казаков
Пущай Плешевский да Шпаковский
Доверят мне, пойду с охраной
Я за Ириной в дом Богдана.
Лишь на тебя он злобу точит,
Тебя, согнать в могилу хочет.
А я, с молитвою церковной,
Дела решу с ним полюбовно».

Плевалось све́точное[10] пламя,
Вгрызаясь в темень языками.
Именье Белкина. Ворота.
На зов к воротам воевода
Явился грозный и суровый.
Застал Афоню Кондакова.
Афоня молвил: «Искушенья
Ты не сдержал и грех свершил.
Отдай Ирину! — во спасенье
Своей блуждающей души!..»
В глазах же Белкина Богдана
Огонь светился полупьяный:
«О чем, ты, смерд, посмел поведать!
Аль батогов решил изведать?»
Кричал Богдан в хмельном угаре:
«Ребята верные! Ударим
Огнем в Никиткиных холопов!»
Раздался свист. Пищали, хлопнув,
Метель свеченьем разорвали.
И смерть нежданную сыскали
Два казака. От крови алой
Земля внезапно задрожала.
И стаей коршунов голодных
На уцелевших, власти годных,
Богдана люди налетели —

Вздымался снег, сплетались тени,
Носились вопли средь метели.
Под ветер тяжкий и лохматый
Звенела сталь, ломались латы.
И дань, кровавая, булатам
В ту ночь была милее злата…
А в час безумия людского
Богдан Афоню Кондакова
Схватил за бороду руками,
Швырнул на землю. Сапогами
Он бил его, топтал нещадно,
Ругал Афоню шумно, смрадно…

Но вдруг полсотня казаков
Влетела в сечу вихрем конным.
Смертельной пляскою клинков
Люд разогнала злобой полный.
Утратил войско Белкин вор.
Упомянув не к месту черта,
Людей немногих он во двор
Собрать успел, закрыл ворота.

Застыли кони удалые,
Никита Пушкин был в седле.
И перевес в военной силе
Он применить решил вполне.
Он крикнул Белкину Богдану:
«Давай забудем боль да раны!
В Тобольск Ирину вороти —
Клянусь я богом, что в пути
Ей будет ласка да забота.
Ну а теперь открой ворота!»
В ответ взлетел из-за забора
Лишь стрел колючих жалкий ворох.
Вспылился Пушкин: «Люди! Братья!
Ограду крепкую ломайте!»

И затрещали вскоре бревна.
Упал забор во двор чиновный.
Там ни души, изба пред взглядом,
Перед Никитиным отрядом
Предстала — двери затворённы.
На окнах ставни — вход в хоромы
Закрыл Богдан, ушел в осаду.
Никите в дом проникнуть надо.

Со всех сторон, в пылу метели,
Стучались в дом. Стонали двери.
И, наконец, сквозь черный ход,
Сломав засов, нашли проход
В избу служивые казаки.
Не видя толк в дальнейшей драке,
Сдавались Белкина рубаки.

Найти неверную девицу,
Чтоб заключить её в темницу,
А так же Белкина сыскать,
Велел Никита. Выполнять
Недолго вышло порученье.
В подклети[11] прятался Богдан.
Перед залавком[12] на коленях
Был найден горестный смутьян.
А на залавке возлежала,
Огнем горевшая в бреду,
Дышала тяжко и дрожала
Ирина. Девку в слободу
Казаческую для допроса
Не можно вывезти в морозы.
И травника в избу призвали,
Лечить Ирину приказали[13]...

О штурме Белкина Богдана
Известно стало сургутянам.

Примчались вскоре горожане
Туда, где шел неровный бой.
И каждого, кто был изранен,
Без разделенья, свой — чужой,
Кто встать с землицы был бессилен,
По избам люди разносили —
Вязали раны, боль снимали,
Несчастным выжить помогали.

Была Мария средь людей,
Пришедших раненным в спасенье.
Серко был верный рядом с ней.
Они вдвоём сквозь вой, броженье
Снегов ночи колюче-жгучей
Ходили… вдруг Серко могучий
Залаял. После от забора
Усадьбы пойманного вора
Помчался прочь, гоним ветрами.
Но краток был собачий бег —
Десяток саженей и замер
Огромный пёс, глядя́ во снег.
Мария следом. Что учуял
Серко её? Ведь всюду мрак!
Через минуту, в ночь люту́ю,
Пришла, увидела — овраг
Привлек внимание Серко.
Там кто-то был и черной тенью
Лежал безмолвно, без движенья,
Раскинув руки широко.
Мария с болью пригляделась,
Кто ж там лежит, внизу, один?
Вгляделась, тут же обомлела,
Лежал ей любый друг Литвин.
Удар в пылу кровавой сечи
Он саблей получил в висок.
Лежал, ударом искалечен,

Сочился в снег кровавый сок.
И сердце билось у Марии,
И на душе́ гнездился ком,
Когда Ивана потащили
Наружу с псом они вдвоём.
А там лишь ветер своенравный
Выл в одиночестве глухом.
Ушел народ, тащить Ивана
Марии вновь пришлось со псом…

Гудит огонь в печи, и ветер
Играет с дымною трубой.
Иглой сплетает всюду сети
Мороз над стынущей землей.
Изба Кайдалихи Аксиньи,
В знахарстве нет её мудрей.
Внезапно пар густой и синий
Ворвался в сени из дверей.
За во́рот крепкого кафтана
В дом затащили тяжело
Совсем белесого Ивана
Купчиха Марья и Серко.
Не надо слов, Аксинья видит,
Пред смертью замер сей казак,
Но размышлять о панихиде
Ей не желается никак:
Собаку прочь, Марию следом,
Пущай ярчей играет печь!
Да с заговорною беседой
Стрельца попробуем сберечь…

***

Исчезла ночь, заря алела,
Умолкла злостная метель.
Остаток ночи проревела,
Упав на хладную постель,

Забившись в горестях, страданьях,
О казаке, девица Марья.
И лишь лучом от солнца ярким
Снег заискрился серебром,
Мария бросилась к знахарке,
В её седой и ветхий дом.
А там промолвила Аксинья:
«Мария, де́вица, крепись.
Ивану дни пришли худые —
Помрет ли он или во жизнь
Вернется долгою дорогой —
Сказать об этом не могу.
Об этом лишь известно богу,
Но чем смогу я, помогу».

...Литвин лежит, не шелохнется,
Дыханьем редким воздух пьётся.
И сердце, бедное, средь мук
Лишь изредка рождает стук...

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

***

Иван в забвении[14] полгода,
В безмолвии Литвин лежит.
Но для сибирского народа
Жизнь, скоротечная, бежит.
Ушло коварство хладной но́чи,
Умчалось дней немного очень —
Холопам Белкина, Ирине
Допрос в Сургуте учинили.
Поминки приняли Богдана,
С его людишек сняв грехи.
Ну, а Ирину, с караваном,
Вдоль берега большой реки
В Тобольск отправили на встречу
С супругом истинным своим.
А в церкви запалили свечи
За счастье в жизни им двоим.
Остались оба воеводы
Свой завершать служивый срок.
Но больно яркие невзгоды
Явил сургутский городок.
Узнав об этом, во столице,
Решили: «Незачем двум лицам
В градах сибирских вместе править,
И смуты меж собою ставить[15]».

Пришел февраль — морозный барин.
А с ним явился князь Гагарин
В Сургут, на должность воеводы.
Собрав тяжелые подводы

Уехал Пушкин, Белкин следом
Ушел, забрав с собою беды…

***

Апрель волшебный. Взор слепи́тся
Златистым солнцем всё сильней.
Хрустальный снег горит, искрится,
Ручьи сияют веселей.
День удлинялся постепенно,
Ночь укорачивала ход.
Весна, легко и вдохновенно,
Пришла игриво без хлопот.

И лишь в душе одной Марии
Остались нынче холода.
Литвин лежит, его слитые
Безмолвны лю́бые уста.
Не раз Мария приходила
К Аксинье, сведаться с дружком.
Не раз трясла его, будила
Морозным утром, ярким днем.
И нынче Марья пред Литвином.
Серко у ног её лежит —
Он чует боль хозяйки милой,
Тихонько, изредка, скулит.

Марии сердце учащенно
Забилось вновь, и вновь, опять,
Она, с надеждой затаённой
Ивана к жизни возвращать
Решилась, молвила: «Ванюша,
Вставай родной, вставай скорей!
О, боже, мой! — ты жизни нужен!
И мне! — тебя мне нет милей!..»
Внезапно Марья наклонилась,
И в первый раз ее уста,

Забыв неверности немилость,
Забыв, что после проклятá
В народе Марья может статься,
С Иваном бросились лобзаться…
Вдруг тихий стон слегка раздался,
И тяжело открыв глаза,
Иван (о, боже!) возвращался
На этот свет! Опять слеза
У Марьи жемчугом сверкала —
Серко всё понял — боль пропала!
Хозяйка счастлива! И боле
Уж на земле не будет горя!

***

Ушла весна, явилось лето,
Тайгу листвой узеленив.
Исчезла ночь, в объятьях света
Пурпурных звезд сокрыв разлив.
Литвин давно уже вернулся
Служить в казацкие ряды.
Но мир взорвался, встрепенулся!
В душе его теперь сады
Цветут, сверкают ярко, дивно,
Волшебно, чýдно, переливно! —
Тому причиной — Марья сказка
И алых губ Марии ласка.
У них есть место встреч желанных
Среди боярышень берез.
А там, при встречах долгожданных,
Платок снимает Марья с кос
И их уста, весь свет милуя,
Сливаясь в ласке поцелуя
Горят безудержно в лобзаньях,
В минуты тайного свиданья…

***

Был вечер клюквенного цвета,
Перед Марией был Иван.
В глазах его померкло лето,
В груди бушует ураган.
Мария трепетно спросила:
«Промолви, Ваня, что случилось?»
Иван в ответ: «Мне указанье
На службу новую пришло…
С Сургутом требует прощанья
Чрез день, коварное оно.
Мне в Енисейск велят уехать
И долг, и царственный приказ.
В дорогу собраны доспехи…
Но расставания для нас
Я не желаю, нет, Мария!
Прошу, поехали со мной!
А там и в счастье, в дни лихие
Я буду вечно, Марья, твой!..»

Девичье сердце гулко стынет,
Нелегкий выбор предстоит:
С кем быть, кого она покинет,
И чем девица дорожит —
Достатком, аль любовью сладкой,
Не пожалеет ли потом
В дали неведомой, украдкой,
Что быть решилась с казаком…
Но все ж промолвила: «Согласна
С тобой остаться, милый мой.
Когда уедем, друг прекрасный?
Какой отправился тропой?»
«Лишь только завтра на закате
За горизонтом солнце сядет,
Ступай, Мария, на причал», —
Литвин с волненьем отвечал:

«Потом во сторону востока
Пройдись, душа моя, немного.
Увидишь вскоре одинокий
Кораблик, с мачтой невысокой.
Я буду там, у брега, с ним.
На нём с тобой уйдем в Нарым[16].
В Нарым же, словно муж с женою,
Мы приплывем вдвоём с тобою.
А там дождемся караван
До енисейского острога», —
Закончил речь свою Иван —
Пора сбираться им в дорогу.

***

Огонь души не скрыть в тумане,
Не замести, не заглушить,
Не уберечь его в кафтане,
В залавок длинный не сложить.
Давно заметил Прохор в Марье
Очей таинственных мерцанье.
Порой домой придет она,
А на щеках румянец алый.
И говорливая жена
Теперь в словах теряться стала.
И Прохор, ревностью душимый,
Дельца Еремку упросил
За ней следить неутомимо,
Узнать, кто нынче Марье мил.

И по хозяйскому веленью
Теперь повсюду Еремей
Скользил за Марьей легкой тенью —
Идёт она — и он за ней.
И увидал он тайный вечер,
И услыхал Ивана речи

Об Енисейске, о побеге,
О корабле, о тихом бреге…

Лишь разошлись Иван да Марья,
Забыл про слежку Еремей.
Взглянув на Марью, на прощанье,
Он поспешил в тайгу скорей,
Где Прохор, в тайне от каза́ков,
Меха скупал среди остяков.

***

Умчалась ночь, сверкнув младою,
Сребристой, грустною луною.
Светлица. В ней мешок холщовый
На лавке крепкой и дубовой.
Мария собрана в дорогу,
Тянулся долго томный день.
Сидела Нюрка у порога,
Ей с Марьей быть совсем не лень.
Хозяйки тайна ей известна,
Покинет вскоре Марья дом.
И расставаться им нелестно,
Грустят о том они вдвоем…

Вдруг во дворе раздался грохот.
Срывая дерево с петель
В избу влетел торговец Прохор,
Как леденящая метель.
Под грозным шагом половицы
Скрипели жуткой чередой.
Через мгновенья, во светлице,
Стоял купец и пред собой
Он увидал девиц в испуге
И запустенье, тишину.
Мешок холщовый. С дрожью руки
Торговец вытянул к нему.

Открыл, супруги одеянья
Он разглядел, осатанел.
Пред неизбежным наказаньем
Купец Марии прохрипел:
«Ах, стерва! Подлая гадюка!
Сбежать решилась от меня?!
Умом ты тронулась от скуки,
Коварства полная змея?
Не я ль тебя достал из грязи?
Не я ль поил тебя, кормил?
И что теперь? К другому князю
Ушла, чтоб он тебя любил?..
Убью тебя! Убью заразу!» —
Воскликнул Прохор с горяча.
Жену ударил — Мария сразу
Упала на пол, как свеча.
Во двор её согнал пинками,
Сорвал одежды, а потом
Стегал Марию батогами,
Сгорая ревностным огнем...
Хрипел, стонал Серко в сарае,
Весь ненавидя белый свет —
Хозяйке плохо, плохо Марье,
Но сил с цепи сорваться нет...
«Убью тебя, убью Ивана,
И разорву на части пса!», —
Ругался Прохор зло и бранно:
«Уйдет во гроб твоя краса!»

Потом избитую супругу
Купец в телегу уложил,
Прикрыл соломою, дерюгой
И прочь из дома поспешил.

***

Ветра с небес дожди срывали,

Сырела хлипкая земля,
И под грозою горевали
Полупромокшие поля.
Литвин полночи ждет Марию,
Тревожно сердце бьет в груди.
Что ж за дела могли такие
Ей помешать к нему прийти?
Ведь всё готово к отправленью!
Ведь всё готово в дальний путь!
Уже грызут его сомненья —
А вдруг она смогла уснуть?
Вдруг передумала, не хочет?..
Вдруг испугалась грозной ночи?..
И что теперь? — Теперь Литвину
Без Марьи жить с одной кручиной?..

Сквозь гром и всполохи ненастья,
Сквозь мысли полные несчастья,
Лай утомленный заметался —
Серко бежал к Ивану, мчался.
На шее был цепи обрывок,
И учащенно пес дышал,
И окровавлен был загривок,
И холодил его оскал.
Через мгновенья пред Литвином
Пес появился, заскулил.
Он звал Ивана брег покинуть,
Он за собой его манил.
Затем рванулся прочь и следом
Ушел встревоженный Литвин...
Случилось это пред рассветом,
Под громыхание вершин.

Размыта скользкая дорога,
И тяжелеет быстрый шаг —
То путь прикроет им протока,

То попадется им овраг.
Сжимая Марьино колечко,
Литвин искал конца пути.
Но тут на берег Черной речки
Им получилось подойти.
За гладью водного простора
Вздымались сонно косогоры.
Серко опять брехнёй взорвался —
Серко на берег дальний рвался.
Тайгу Иван окинул взором,
И отыскал довольно скоро
Он лодку, скрытую от глаз,
Среди деревьев моложавых.
Её на реку в сей же час
Спустил и начал переправу.

И переплыли быстро речку,
Серко с бортов рванул вперед.
Иван за ним — дрожит сердечко,
И холодит внутри живот.
Они наверх горы взметнулись,
А там... под вой глухого ветра,
Узрели Марью, ужаснулись —
Она привязана раздетой
К сосне была и не дышала.
Избитая, мертва стояла...
Весь мир зачах пред взором тяжким.
Пронзила боль Ивану грудь.
Раздался крик протяжный, страшный
И сил уж нет опять вздохнуть...
Веревки порваны в мгновенье,
Лежит Мария на земле.
Иван пред нею на коленях.
Он плачет, взор его во мгле.
Уста любимые целует,
Ласкает плечи и перста.

Кричит и стонет, проклянýет
Весь мир и здешние места
За то, что Марью отобрали,
За то, что мертвая она —
Коварен свет, коварны дали,
И жизнь, коварная черна…

…Серко же боле не ярился,
Негромко, изредка, скулил.
Он перед Марьей преклонился,
Главу на грудь ей положил.
Принюхался, лизнул тихонько,
Издал тяжелый долгий вздох.
Взмахнул хвостом своим легонько,
Взглянул ей в очи и издох…

***

А дальше мало что известно:
Литвин исчез, пропал совсем.
Его искали повсеместно,
Но не нашли нигде, ни с кем.
А Прохор как-то на охоту
Осенней выехал порой.
И на ночь встал перед болотом.
Устроил с царской щедротой
Он пир великий на стоянке.
Людей своих кормил, поил.
А рано утром, на полянке,
Убитым Прохор найден был.
Из живота торчал широкий
И окровавленный кинжал.
В глазах же страх застыл глубокий —
Купец в мученьях умирал…

***

Прошли года, с собой забрали

Из жизни долгие века.
Дожди всё так же снег сменяли,
Водой резвилась Обь-река.
Росли, трудились так же люди
В таёжном городе Сургуте.
Но позабыть событья эти,
Исчезнуть им во белом свете,
Нельзя народу, невозможно,
Непозволительно, не можно.
Вершину, где сыскали Марью,
Избитой, мертвою, нагой
Зовут с тех пор, с тоской печальной,
В Сургуте Марьиной горой…

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ну, вот и все. Рассказ окончен
О горечи любви былой,
О блеске дня, сиянье ночи,
О жизни сложной, не простой.
О лоске снега тополином,
О тишине в обской низине,
О стаях птиц под небом синим,
О Марье-девице, Литвине.

2013—2015

МАРЬИНА ГОРА

К северо-востоку от Сургута лежала эта лесистая возвышенность. Ее северный склон служил берегом реки Черной. Занимая обширную площадь с кедрами, соснами, березами, тальником и кустарником, с грибами да ягодами, гора являлась постоянным «местожительством» глухарей, косачей, рябчиков, других лесных птиц. Жили там белки, бурундуки, заходило зверье и покрупнее. Это излюбленное место сургутских охотников, сборщиков ягод, грибов и кедровых орехов.

Назвали гору Марьиной давным-давно, после такого вот события. Жила в Сургуте очень красивая женщина, жена одного богатого купца. Звали ее Марьей, а фамилию никто и не помнит. И вот однажды, теплым летним вечерком уличил купец свою красавицу в измене. Обманутый муж пришел в ярость. Избил он свою женушку, а потом усадил на телегу и увез в густой лес на ту самую гору. А там раздел ее, привязал к дереву, и оставил на съедение комарам да мошкам. Там и погибла Марья. В память о ней и нарекли гору Марьиной. Очень давно это было. Но с тех пор, говорят, сургутские жены никогда не изменяют своим мужьям...

Теперь Марьиной горы нет, на ее месте стоят сургутские электростанции. Лес вырубили, зверье и птиц разогнали. Всюду — дороги, а из речки Черной сделали моря. Но, что бы люди не делали, место то старожилы все равно называют Марьиной горой.

Иван Захаров, краевед и почетный гражданин города Сургута

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ***Ярило*** — бог солнца в славянской мифологии.

[2] Целью экспедиции 1626 года на озеро Ямыш была не только соледобыча, но и изучение возможности постройки в степях острога и использования земель под пашни. В общей сложности в экспедиции приняло участие более 600 человек.

[3] ***Мангазея*** — город, основанный в 1601 году на месте одноименной торговой фактории, на берегу реки Таз, впадающей в Обскую губу. Являлся главным центром пушной торговли. Свое значение потерял к середине 17 века и вскоре исчез. Ввиду короткого навигационного периода торговцы нередко оставались в Мангазее на зимовье.

[4] ***Златокипящий городок*** — часто употребляемое обиходное название Мангазеи.

[5] ***Самоядь*** — название народов (в основном ненцев), проживавших на территории современного Ямало-Ненецкого автономного округа и близ лежащих восточных земель. Представителей племен называли самоедами.

[6] ***Толмач*** — переводчик.

[7] В походе 1626 года на Ямыш-озере добыли 56 тысяч пудов соли, что с лихвой перекрыло все запросы того года.

[8] ***Подьяк*** — подьячий («под»+«дьяк») — низший административный чин в Русском государстве в XVI — начале XVIII веков.

[9] ***Поминки*** — подарки.

[10] ***Светоч*** — факел.

[11] ***Подклеть*** — помещение в фундаменте дома, служившее для разных хозяйственных нужд.

[12] ***Залавок*** — длинный ящик с крышкой, употребляемый вместо лавки.

[13] Бой за Иринку, Макаркову жену, состоялся 18 октября 1626 года.

[14] ***В забвении*** — без сознания.

[15] После описываемых событий в Москве решили отказаться от практики одновременного назначения на службу в Сибирские города двух воевод.

[16] ***Нарым*** — город, основанный в 1598 году к востоку от Сургута на берегу Оби.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Сказание об основании града Сургута 3
Вступление 5
Обско́й городок 7
Сибирь 10
Барда́ков городок 13
Обско́й городок 18
Барда́ков городок 22
Основание Сургута 26
Послесловие 30
ПРИМЕЧАНИЯ 31
Легенда о Марьиной горе 37
ПРЕДИСЛОВИЕ 39
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 41
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 59
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ 68
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ 77
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 88
МАРЬИНА ГОРА 89
ПРИМЕЧАНИЯ 90

Вячеслав Сазанович

Поэмы о Сургуте

Иллюстратор Изабелла Сазанович

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero